

Евгений Голубовский

Одесский след

Константин Бальмонт. Когда-то, в 1900-1905 годах, это имя было на устах всей читающей России.

Как в шестидесятых годах Евтушенко.

Кто сейчас читает Бальмонта? Кто помнит его стихи?

Мне пришли на память строки нашего современника Юрия Михайлика:

Позабывшие поэты,
Как сгоревшие кометы –
Нет ни света, ни следа.
Свет недолог, след не стоек,
Вспомнит разве что историк,
Кто там, что там и когда...

Горькие строки, но справедливые.

23 декабря – день памяти Константина Бальмонта. Он умер во Франции, тяжелобольной, практически забытый, полуголодный, в 1942 году. С него, по сути, начинается русский символизм. Он был чародеем аллитераций. Волшебником слова. Александр Блок записал: «Когда слушаешь Бальмонта – всегда слушаешь весну».

В юности я восхищался Бальмонтом, затем его вытеснили из памяти другие, более мощные поэты. Почему же я сегодня вспомнил о Константине Дмитриевиче?

Как-то попало мне его стихотворение об Одессе. Начал искать истоки. И еще раз пересмотрел его книги. Завораживали музыкой такие стихи:

Челн томленья

Вечер. Взморье.
Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам
счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег,
бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем,
мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воеет в бездне вод.

Замечательный портрет Константина Бальмонта
работы Валентина Серова

Вроде и смысл теряется в этой музыке, но звук остается.
Он с тобой, ты несешь в памяти не содержание, а звучание.

Не случайно Марина Цветаева ассоциировала слово *поэт*
только с Бальмонтом.

Не с Блоком, не с Брюсовым, не с Балтрушайтисом, а с Баль-
монтом.

Но были у поэта и стихи, привлекавшие содержанием. Вот
это запомнил с юношеских лет. Перевод из Эдгара По для меня
очевиден, но Бальмонт нашел в этих стихах свой путь к сердцу
читателя.

Эльдорадо

Между гор и долин
Едет рыцарь, один,
Никого ему в мире не надо.
Он все едет вперед,
Он все песню поет,
Он замыслил найти Эльдорадо.

Но в скитаньях – один,
Дожил он до седин,
И погасла былая отрада.
Ездил рыцарь везде,
Но не встретил нигде,
Не нашел он нигде Эльдорадо.

И когда он устал,
Пред скитальцем предстал
Странный призрак – и шепчет: «Что надо?»
Тотчас рыцарь ему:
«Расскажи, не пойму,
Укажи, где страна Эльдорадо?»

И ответила Тень:
«Где рождается день,
Лунных гор где чуть зрима громада.
Через ад, через рай,
Все вперед поезжай,
Если хочешь найти Эльдорадо!»

Мне представляется, что и сам Константин Дмитриевич проезжал через ад, через рай в поисках Эльдорадо.

Однажды в 1914 году он заехал в Одессу, выступал с успехом в театре, жил в гостинице «Северная» в Театральном переулке. Об этом посещении мы знаем из отчетов газет, из воспоминаний поэта Александра Биска, посещавшего его в гостинице. Они обменялись книгами с автографами.

Но об Одессе тогда Бальмонт не писал. Во всяком случае, я не нашел ни стихов, ни прозы 1914 года, связанных с нашим городом.

Тем неожиданней мне показалось стихотворение 1932 года. Бальмонт болеет, больница сменяется больницей. Никуда не выезжает из Бордо. Но, как видно, в памяти перебирает эпизоды жизни. Только так могу объяснить себе возникновение этого грустного стихотворения.

В окрестностях Одессы

Узкая полоска синего Лимана,
Желтая пустыня выжженных песков.
Город, измененный дымкою тумана,
Медленные тени белых облаков.
Чахлая трава, измученная зноем,
Вдоль прямой дороги серые столбы.
Все здесь дышит скучным тягостным покоем,
Всюду здесь недвижность пасмурной судьбы.
Только вечный ветер носится бесцельно,
Душным дуновеньем, духом мертвеца.
Только облака проходят беспредельно,
Скучную толпой проходят без конца.

Это уже уставший опустошенный Бальмонт. Ему предстоит жить еще десять лет.

Казалось, что стихам его суждена долгая жизнь Но и этого не случилось. Бальмонт – в истории литературы скорее чем в живой литературе.

Как там у Михайлика? «Вспомнит разве что историк – кто там, что там и когда...»

